

Радзинский Эдвард

13.12.98

ВСТРЕЧА

Подлинность перемен

Московские новости - 1998 - 13 декабря - с. 21.

Ваша новая книга несомненно вызовет такой же интерес, как книги о Николае Втором и Сталине. Когда ее можно будет прочесть?

— Только во второй половине следующего года. Поставив точку, я всегда отхожу от новой работы, чтобы потом вернуться и сделать окончательный вариант. В «Распутине» использованы пятьсот страниц абсолютно новых документов, которые были вывезены из России, — это следственное дело Распутина, никогда не печатавшееся и даже не вошедшее в протоколы чрезвычайной комиссии Временного правительства, изданные Щеголевым. Это дело было куплено на аукционе и подарено мне, кем именно — пока секрет. Из этих материалов возникает портрет Распутина, который к известному всем образу имеет мало отношения, он не лучше и не хуже, а просто другой. Иными предстают его отношения с царской семьей, дамами и так далее. Сегодня Распутин просто стал частью моей жизни, я знаю про него почти все, вплоть до того, на каких стульях он сидел в селе Покровском, каким стаканом пользовался и как говорил, — кстати, у него был блестящий русский язык. Это вообще потрясающий и сложнейший русский характер, своего рода ключ и к русской революции, и к тем событиям, которые у нас происходили, происходят и будут происходить. В книжке для всех персонажей есть особый вход: туда допущены только те, кто остался в дневнике наружного наблюдения за домом Распутина и кто совпадает с воспоминаниями мемуаристов, то есть живые свидетели, и я пользуюсь их показаниями, портретами, когда сам не имею собственного мнения или не хочу его иметь.

— До похорон царской семьи вы выступали в печати, на телевидении, а после замолчали. Почему?

— Эти похороны стали для меня трагедией, больше того — я считаю, что именно после них начались нынешние драматические события. Страна и всем нам был дан шанс, но мы его не использовали. Актом похорон последнего русского царя страна должна была доказать подлинность происшедших перемен, этот духовный момент мог объединить общество и привести к настоящему покаянию. Вместо этого мы продемонстрировали ложь, раздор и все, что отсюда следует. Между тем Романовы — династия мистическая. Когда их выкопали в 91-м, варварски, без священника, то через месяц произошел путч. Чего-то надо было ожидать и теперь, что не замедлило объявиться: кризис, поведение Макашова, убийство Старовойтовой. Был еще и ураган, посрывавший в Москве кресты с церковью, но он никого не напугал, потому что нельзя напугать людей, которые хоронили, как бы делая вид, что они не знают, кого хоронят, людей, которые проводили акции протеста, причем даже дворяне и монархисты, разделившие позицию церкви.

— Что вы думаете о решении церкви и патриарха не участвовать в погребении?

— Я не хотел бы про это говорить, потому что у них другое подчинение. Есть в этом некая провинциальность,

Эдвард РАДЗИНСКИЙ только что закончил новую книгу о Григории Распутине, продолжающую цикл его исторических документальных романов. О ней, а также об особенностях нынешней ситуации в России с писателем беседует обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА.

которую мы понять пока не можем. Ведь священнослужители вовсе не такие люди, как мы, так же, как разрушенный храм совсем не похож на обычный дом и живет своей особой жизнью. Они должны знать, что делают, но если все произошло из соображений прагматических, а не во имя истины, то я им не завирую. А вот решением Дворянского собрания, не принявшего участия в похоронах, точно двигали мирские дела, это мирские игры, как и тогда, когда после отречения царя по перрону Царскосельского вокзала от него убегала свита.

Но было и другое: от аэропорта и до самой Петропавловской крепости стояла непрерывная цепь людей, некоторые на коленах.

— Разве в этом не было покаяния?

— Вышли жители Санкт-Петербурга, а нужен был момент покаяния страны и ее власти, причем возглавить его полагалось церкви. Не было единодушия нации. Хотя ощущение все равно потрясающее, люди в автобусах плакали. И над городом сияло ослепительное солнце, которое исчезло сразу после похорон, стояла не петербургская, изменчивая, а ясная и постоянная погода. Как в Екатеринбурге пролился удивительный дождь. То есть чудо-то было явлено — никто не хотел его замечать. Для Ельцина появление тогда в Петербурге было таким же апофеозом, как в августе 91-го, и, не дай Бог, завершением правления. Он как бы обозначил свою эру двумя этими событиями. Он снова принял решение и не позволил унижить страну.

Когда-то я мечтал о том, что Ленина и Николая похоронят в один день и это будет концом эпохи революции, концом той ярости и ненависти, которая во всем мире оборачивается термидором. Не случилось — революция продолжается в наших душах. Сейчас многое становится очевидно, в частности то, что русскую революцию нам не навязали, не импортировали в немецком вагоне — она была неизбежна. Еще Александр Первый говорил, что надо дать волю, чтобы остановить безумцев, которые могут залить страну кровью. Убийцы реформатора Александра Второго приблизили самую страшную и кровавую азиатскую революцию. При Александре Третьем страна превратилась в огромный котел, вокруг которого ходили люди, и как только где-то прорывался пар, они заклепывали трещину. Сравнение принадлежит одному из адъютантов царя, и, услышав его, «Александр застонал, как от боли». Сейчас эту эпоху некоторые увлекшиеся националистическими идеями историки идеализируют, но я доверяюсь Блоку: «В те годы дальние, глухие, в сердцах царили сон и мгла, Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Кризис в России постоянен, и даже о времени реформ в середине прошлого века сказано было: «Колесил над бездною».

— Неужели «особенная статья» России, о которой писал Тютчев, — это своего рода проклятие?

— Нет, просто мы живем в стране, которая пытается примирить Европу с Азией внутри себя. Отсюда вечный маятник, шатание: Сталин — Восток, сейчас — попытка идти на Запад. Для основной массы населения никогда не существовало частной собственности, немногим более столет назад само большинство было собственностью, рабами. Поэтому

понятие закона весьма расплывчато: при барине какой закон? Мы по-прежнему согласны с Пруденом, что «собственность — это кража», считаем, что деньги — это всегда безнравственно, торговец — всегда спекулянт. Россия не колбасная страна, и Штольц в ней никогда не будет героем. Нужен третий путь, но его никто не знает.

— То есть все надежды напрасны?

— Просто нужно время. Страна обожает делать все мгновенно: капитализм — за пятьсот дней, приватизация — сразу. Мы достаточно молодой народ, который позже других ступил на историческую арену, и главные свершения — впереди, нынешние россияне их могут и не увидеть. Но, как говорил Иосиф Виссарионович, «учимся, понемногу учимся».

Что же касается нынешнего антисемитизма, в России еще с царских времен с его помощью спускали пар социального напряжения. Но уже в 1910 году Маркова-второго за антисемитские речи Дума выгоняет на пятнадцать заседаний — не потому, что она так полюбила евреев, а потому, что поняла: погромы ведут к страшному красному колесу, которое раздавит империю. В стране много тех, кого раньше называли «инородцами», и ненависть к одним уничтожит всех. Мы это преодолеем, если будет разумный царь — ведь Россия по-прежнему управляется царями: если бы президент США приказал доллару перестать падать, его посадили бы в сумасшедший дом, а у нас в трагический момент Борис Николаевич приказал рублю прекратить падение — и он прекратил, хотя последствия всем известны. И воровство чиновников у нас всегда было ограничено жестокостью сильного правителя. Так что придет, скорее всего, новый и, судя по всему, сильный правитель, надежда на него, а не на парламент, потому что автократизм страной не изжит. Хотя я стараюсь избегать политических оценок и прогнозов, моя задача — заниматься историей, верить, «добру и злу внимая равнодушно».

— Но при этом бегстве в историю свет в доме в восемь вечера в день похорон Галины Старовойтовой вы наверняка гасили?

— Да, конечно. Но не в знак демонстрации единства — этого я не понимаю, а в знак скорби, печали. Многие окна все равно горели. Если бы людям это было делать опасно, они бы, возможно, активнее участвовали.

— Демократические убеждения нарастают по мере опасности?

— Бесспорно. «Дело прочно, когда под ним струится кровь». Но у многих сегодня демократические убеждения абсолютно не связаны с теми, кто их провозглашает. Кроме того, многие демократически настроенные люди смертельно боятся организованности, им трудно добиться единения, потому что каждый — личностно и ненавидит строй. Для другого же лагеря строй органичен, они с радостью ему подчиняются, и в этом еще одна причина, почему они добиваются другой формы правления — там будет строй. Демократов может сплотить опасность,

Эдвард Радзинский

чувство чести. Хотя тоже до известного предела: «это что — стоять за правду, ты за правду посиди». «Посидеть» готовы далеко не все.

— Поэтому и невозможно объединение честных людей, о котором мечтал еще Пьер Безухов?

— Может быть, и возможно, только мы этого пока не видим. В зависимости от того, какие им преподнесут уроки, люди попытаются объединиться, но могут и опоздать. Русская буржуазия никогда не успевала за событиями. Она молодая, воспитывалась в тяжелейших условиях, в сословной и автократической стране, никогда не была у власти. Захватив власть, проделала путь от умнейшего Милюкова до достаточно ничтожного Керенского, превратившего страну в хаос. В смысле бизнеса наша буржуазия не имеет себе равных. Это неправда, что каждый капитал замешан на криминале, есть люди, которые создавали состояние из воздуха, но честным путем. Они умеют играть на грани фолла, но бездарны в области управления, не понимают того, что когда ты даешь деньги бедным, это не филантропия, ты даешь деньги себе самому, чтобы не жить на вулкане. Они дают милостыню, а должны были продумывать долгосрочные гигантские программы, с самого начала исключавшие тот бред, когда в стране крутятся огромные деньги, а люди по полтопа не получают зарплат. Те, кто стоит у власти, должны понимать, что обрушившиеся на них миллионы их же и погубят, если с каждого миллиона не отдавать хотя бы четверть. Вместо того, чтобы бороться друг с другом за рынки, они должны были бороться за стабильность. Это опасная страна, в ней очень сложно относиться к реформаторам, и в результате они-таки оказались на вулкане, а с ними вместе и весь народ, увидевший, что при этой власти население сидит без зарплаты, города не отапливаются, бандиты безнаказанны и так далее.

Следующее поколение, возможно, учтет эти уроки. Посмотрите на улицу: идут красивые молодые ребята, девушки, которые заметны даже на парижских площадях, у них есть невероятная для их дедов и отцов свобода информации, они гораздо образованнее и у них пока нет чувства страха (к сожалению, оно быстро воспитывается). Новому диктатору, если он будет, придется непросто: все-таки Сталин существовал без Интернета.

— Но кто-то из них собирается на Воробьевых горах и в день рождения Гитлера?

— И в Германии кто-то собирается в день рождения Гитлера, а кто-то — в день рождения Гете. Но у меня нет ощущения, что растет поколение, которое ничего не читает и так далее — наоборот, средний уровень образова-

ния стал гораздо выше. Хотя свобода принесла и то, чего наша страна почти не знала, а Запад уже пережил, — наркотики. Деньги из бумажек, на которые нельзя было ничего купить, превратились в рычаг, которым можно управлять, — это тоже наркотик для неподготовленного сознания.

— Возможен ли коммунистический реванш?

— Вполне возможен, потому что коммунисты ничего не забыли и ничему не научились. Но тот период, на который они придут, для истории будет ничем, хотя для вапшей и моей жизни может оказаться очень даже весомым. К сожалению, реванш может произойти в виде жесточайшей националистической диктатуры. Хотя должен оговориться: мои оценки все-таки условны, для меня Наполеон и Бонапарт гораздо живее и интереснее, нежели политики Х и У. И бывает, что появляется один-единственный человек и побеждает первую в мире атомную державу. Это Солженицын. За ним уже пошли многие.

— Но ведь слово Солженицына немногие сегодня хотят слышать.

— Что такое путь истины? Сначала распинают того, кто ее провозглашает, потом к ней привыкают, а потом говорят, что все это нам хорошо известно. От Солженицына после его возвращения ждали, что он станет духовным вождем, пастырем, он же начал обличать правительство и объяснять, как надо жить в экономике, управлении, прочих сферах. Он как удивительно чистый человек требует, чтобы не было воровства, а все знают: воровать у нас будут, пока не уйдет последний чиновник. Он пытается объяснить, что такое его национализм, что славянофильство Аксакова никакого отношения не имеет к тому тупому и страшному, с чем мы имеем дело сегодня, но его не слышат за тем хором голосов, который стоит сегодня. А все хотели, чтобы он был единственным, как он того не просто достоин, но только он и достоин. Поэтому что никто не верит вчерашним Молчалиным, в одночасье ставшими Чацкими. Его миссия все-таки — это миссия пророка, который должен объяснить духовные пути России.

Я думаю, что Солженицын еще не сказал своего слова. Ему надо пригласиться, чтобы понять, что вот этот человек, который берет у него интервью, просто болван, а тот — делает это из корыстных соображений. Ведь он уехал из страны, где даже приближаться к нему было подвигом. Солженицын — особая, огромная фигура. К счастью, он мощен физически, он художник, как Гете, в нем есть светлое, наивное, прекрасное моцартовское начало.

— Русский писатель для русского читателя всегда духовный пастырь, от него ждут ответа на самые болезненные вопросы повседневности. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Только одно: читайте Библию — там все написано, а ваша задача — понять. В меру своих скромных возможностей я объясняю что-то через исторические персонажи. Ведь в чем урок Наполеона? Его история — это история всех великих полководцев, которые собирали огромные армии, чтобы кровью завоевать мир, и ни у кого не получилось. А он с креста — без всяких армий — завоевал весь мир одной любовью. И о смутном времени все уже сказано: «И тогда соблазнялся многие, и будут предавать друг друга, и много лжепророков появится, и соблазнят многих, и по причине умножения беззакония во многих охладает любовь». И далее: «Претерпевший же до конца спасется». То есть те, кто сбережет в себе любовь, кто оградит свою душу от безумия ненависти, они сохранятся. И чем больше их будет, тем больше у страны шансов спастись.